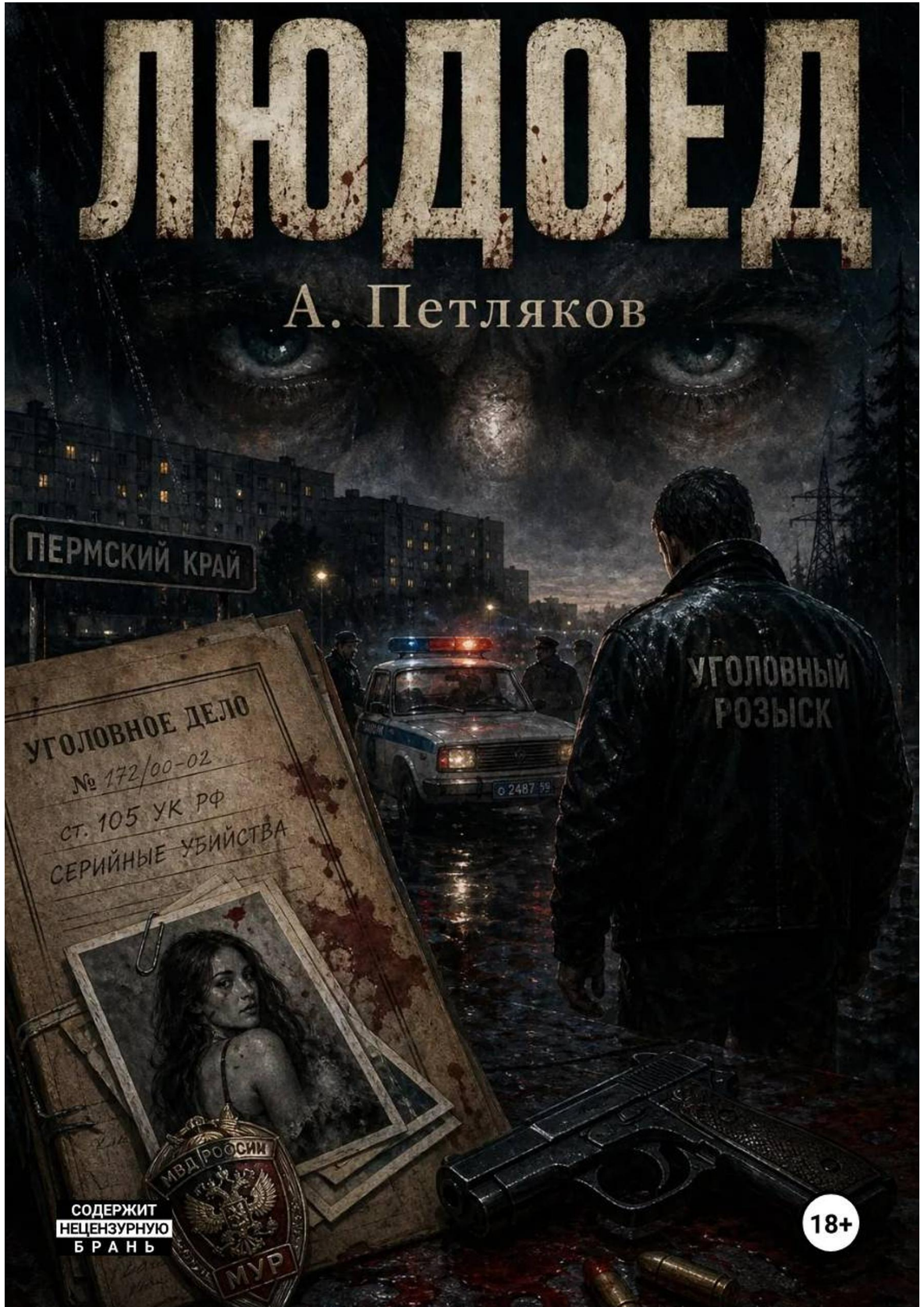
ЛЮДОЕД

А. Петляков



Александр Петляков

Людоед

«Автор»
2026

Петляков А. А.

Людоед / А. А. Петляков — «Автор», 2026

Начало 2000-х годов. Пермский край. В одном из районных центров орудует маньяк, который насилует и убивает красивых молодых женщин на дорогих иномарках. Олег Чёрный, исполняющий обязанности начальника уголовного розыска и его оперативники, пытаются выйти на след преступника, но тот, как по мановению волшебной палочки, всегда оказывается на шаг впереди. Это приводит к мысли, что он может быть сотрудником милиции или органов спецслужб. А может среди сотрудников милиции есть "крот"? Но всё оказывается ещё более запутанней, чем им кажется. И пройдёт ещё шесть страшных кровавых лет, прежде чем Олег и его товарищи выйдут на след маньяка и он получит заслуженное наказание. Однако, не всё бывает всегда в рамках закона, даже то, что кажется незыблемым и окончательным для всех. Приговор о пожизненном заключении— не гарантия, что чудовище останется за решёткой навсегда!

© Петляков А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Петляков
Людоед

Глава 1
(январь1988 год, Пермский край)

Снег в том январь шёл редко, зато мороз держался крепкий, и на окне у кухонного стола каждую ночь намерзал узор, похожий на папоротник. Матвею было семь лет, и он знал, что если подышать на стекло, «папоротник» подтает и можно смотреть во двор, где фонарь горит жёлтым светом и качается на ветру. Он это знал лучше, чем таблицу умножения, потому что по вечерам в квартире на окраине делать больше было нечего.

Мать пришла с ночной смены поздно, уже под утро, и от неё пахло не фабричным маслом, как обычно, а чем-то кислым и тёплым, отчего Матвей сразу сжался на табуретке. Валентина Наумова шаталась в дверях, стягивая с себя пуховик так, будто он был ей враждебен, и глаза у неё были мутные, отсутствующие, словно смотрели не на кухню, а сквозь неё, в какую-то другую комнату, где Матвея не было вовсе.

Тарелка выскользнула у него из рук, когда он потянулся убрать со стола, — звон, осколки по полу веером, кусок варёной картошки откатился под табурет. Матвей замер с протянутой рукой, не успев даже испугаться по-настоящему, а мать уже разворачивалась к нему всем телом, и в этом развороте было что-то нечеловечески быстрое для пьяной женщины.

— Ты сколько ещё будешь мне тут переводить добро, а? — Голос у неё сорвался сразу на крик, без разгона. — Тарелки бьёшь, слов нормальных, вижу, не понимаешь, в кого ты такой, а?

Она достала ремень из-за спинки стула, где он всегда висел наготове, будто специально оставленный, и Матвей уже знал, что сейчас будет, но тело не слушалось, ноги приросли к полу.

— В отца своего, вот в кого! — Она замахнулась, и первый удар пришёлся по плечу, обжёг через рубашку. — В того самого подонка, который меня в подъезде, как тряпку, прижал и насиловал! Радуйся, что я тебя вообще родила, а не сдохла там с ножом в животе!

Он не понимал тогда половины слов, но понимал интонацию, а интонация говорила: ты виноват в том, что существуешь. Ремень падал снова и снова, не с расчётом, а с каким-то отчаянием, будто мать била не его, а то, что случилось с ней много лет назад в тёмном подъезде, и Матвей просто оказался под рукой, единственное, до чего можно было дотянуться.

Мальчик убежал в комнату, когда она на секунду отвлеклась, чтобы отдышаться, и залез под кровать, в пыльную темноту, где пахло старыми ботинками и мышами. Там он зажал себе рот ладонью, обеими руками, с силой, чтобы ни один всхлип не прорвался наружу, — он уже давно выучил, что его плач действует на мать сильнее, чем бензин на огонь. В тишине, он мог надеяться, что о нём забудут. Подав хоть какой-то звук — становился мишенью для избиения ещё на полчаса.

Пьяные шаги матери, неуверенно, прошаркали мимо, дверь хлопнула, где-то в соседней комнате застонала кровать под её телом, и постепенно всё стихло. Матвей лежал ничком на холодном полу, прижавшись щекой к доскам, и смотрел на свою руку, лежавшую перед лицом. На предплечье уже вспухали синие полосы, одна поверх другой, как ветки на стволе дерева, и ему вдруг стало интересно разглядывать их — не больно, а именно интересно, будто это была чья-то чужая рука.

Тогда он и понял первый закон жизни, ясный, как зимний воздух: сильный бьёт, слабый терпит. Больше в мыслях ничего не было — ни обиды, ни мести, просто голый факт, который устраивал мир так, как он устраивал этот ремень и эту кровать над ним. Мать была сильная, потому что умела бить. Он был слабый, потому что умел только терпеть и прятаться. Где-то

глубже, куда семилетний мозг ещё не умел заглядывать, завязывался узел: быть тем, кто бьёт! И это не вина, а его право!

Наутро, как это всегда бывало, мать его разбудила обычным голосом, без следа вчерашней ярости, будто кто-то стёр ей память губкой. Она стояла у плиты в застиранном халате, мешала кашу, и от плиты в холодную кухню шло настоящее тепло.

— Вставай, остынет, — сказала она, не оборачиваясь, и голос был ровный, почти ласковый.

Матвей сел за стол, стараясь не морщиться, когда рукав рубашки задел синяк, и мать поставила перед ним тарелку, провела рукой по его волосам — быстро, почти машинально, но всё равно ладонь была тёплая. Он, по привычке, дёрнулся головой в сторону, боясь, что сейчас последует продолжение вчерашних побоев и мать снова его ударит. Но этого не произошло.

Каша была сладкая, с маслом, и он ел её, глядя в тарелку, а не на мать, потому что боялся — если поднимет глаза и увидит в них ласку, то поверит, а верить было опаснее всего. Ласка кончалась так же внезапно, как начиналась злость, и единственное, чему можно было доверять без опаски, это то, что холод утром всегда одинаково холодный.

***

Шапку сорвали ещё на перемене, когда Матвей стоял у забора и наблюдал, как пацаны гоняют во дворе пустую консервную банку вместо мяча. Витька Сорокин подошёл сзади, лёгкий, быстрый, с тем особым весёлым прищуром, который у него появлялся всегда перед тем, как кого-то обидеть, — и в один рывок стащил шапку с головы Матвея, так что уши обожгло холодом.

— Лови, Наумов! — крикнул Сорокин, и шапка полетела по кругу, от одного к другому пацану, через весь двор, пока кто-то из младших, толстый Серёга из параллельного класса, не бросил её в растаявшую от солнца большую лужу у края асфальта, где она шлёпнулась и ушла под мутную воду почти целиком, оставив торчать только край с пуговицей.

Матвей стоял и смотрел. Руки у него тряслись, но не от злости, а от того другого чувства, которое он давно научился узнавать и которое не имело названия — смеси тошноты и желания исчезнуть. Он знал по опыту, что если полезет драться, будет хуже: Сорокин был на голову выше и уже один раз разбил ему губу за меньшее. Поэтому он просто подошёл, вытащил шапку из лужи двумя пальцами, брезгливо, будто доставал дохлую мышь, и пошёл прочь, оставляя за собой мокрый след.

— Одевай, Наумов! — крикнул кто-то в спину, и двор грохнул смехом, дружным, без злобы даже, просто весело — так смеются, когда кто-то поскользнулся на льду.

Среди этого смеха он различил голос Тани Вороновой, тонкий, с переливом, и от этого звука у него внутри что-то обвалилось сильнее, чем от самой лужи. Таня сидела с ним через парту, один раз одолжила ему ручку, когда у него кончились чернила, и он с того дня тайно держал в голове мысль, что она не такая, как остальные, что она добрее. Теперь она смеялась вместе со всеми, запрокинув голову, и смех у неё был красивый, звонкий, и именно поэтому слышался громче всех остальных.

Домой он шёл окружным путём, через гаражи, чтобы мокрая шапка хоть немного подсохла на ветру, а потом ещё минут десять мял её в руках во дворе дома, пытаясь вернуть форме прежний вид. Получалось плохо — она так и осталась сырой и сбившейся, с серыми разводами от воды, и он спрятал её в сумку на самое дно, под учебники, решив, что завтра же выстирает тайком, пока мать на фабрике.

— А шапка где? — спросила мать вечером, не поднимая головы от сковороды.

— Забыл в школе, — сказал он, глядя в пол, и голос прозвучал ровно, даже удивил его самого тем, как обман лёг поверх правды.

Мать хмыкнула что-то неразборчивое и не стала спрашивать дальше, занятая своим, и он выдохнул только потом, уже в комнате, под одеялом, понимая, что сегодня обошлось — не за шапку, так за что-нибудь другое влетело бы.

На следующий день учительница, Нина Павловна, читала перед классом список лучших в четверти, держа бумажку на вытянутой руке, щурясь без очков. Список был короткий, человек семь, и фамилии шли по порядку оценок — Воронова, Петров, Сорокин с удивлением для самого Сорокина, который, впрочем, тут же изобразил скромность и раскланялся соседям. Матвей слушал список целиком, от первой буквы до последней, и своей фамилии там не было, как не было её и раньше, ни разу за всю школу.

Он сидел на предпоследней парте и думал, как это странно устроено: в списке лучших его нет, потому что он ничем не отличился в положительную сторону, но и в списке худших, кого ругают при всех, тоже как-то не он чаще всего — просто его как будто и не существовало для учителей вовсе, он был фоном, серой клеточкой в журнале. Единственное место, где его замечали, был школьный двор, и замечали там его как мишень, как шапку, которую можно бросить в лужу ради весёлого утра.

Вечером, лёжа в темноте под одеялом, укрытый с головой, потому что из кухни доносился звон посуды, и он не хотел знать, в каком настроении сегодня мать, Матвей закрыл глаза и представил себе другую картину. В этой картине Сорокин стоял на коленях прямо в той самой луже, где плавала шапка, и просил прощения, и голос у него был не весёлый, а дрожащий, тонкий, совсем как у маленького. Матвей держал его за шиворот и не отпускал, хотя Сорокин скулил всё громче, а остальные со двора смотрели молча, без смеха, потому что смеяться теперь было не над кем.

Мальчик лежал неподвижно, глаза были закрыты, и чувствовал, как внутри разливается что-то тёплое, почти приятное — впервые не стыд и не страх, а спокойное, тягучее удовольствие от того, что кто-то другой боится вместо него. Он подержал эту картинку подольше, не отпуская, «катая» её в голове, как вкусный леденец за щекой, и уснул с ней, так и не додумав, откуда взялось это новое чувство и почему оно было таким сладким.

(1992 год, Пермский край)

Весна пришла поздно и неохотно, снег сходил рыжими, грязными пластами, обнажая прошлогоднюю листву, разбитые бутылки и прочий мусор, который зима прятала весь свой срок. Во дворе между сараями, где сушили бельё летом, а зимой лежали сугробы с тонкими «венами» тропинок к калитке и в туалет, появился кот — рыжий, худой, одноглазый, с рваным ухом, из тех, кого никто не кормит специально, но и прогнать рука не поднимается. Матвей заметил его в субботу, когда мать спала после ночной смены и дом был в его полном распоряжении, — редкая роскошь.

Он отломил кусок хлеба, вынес его на крыльцо и присел на корточки, протянув ладонь. Кот не сразу пошёл, долго смотрел одним глазом из-под поленницы, потом всё же двинулся, настороженно, прижимая уши. Голод оказался сильнее осторожности. Он взял хлеб прямо с ладони, почти не касаясь зубами кожи, и Матвей почувствовал странное тепло в груди — кто-то доверился ему, добровольно подошёл ближе, хотя мог бы убежать.

На следующий день он принёс кота в сарай за домом, старое дощатое строение, где хранились санки, ненужные банки и моток бельевой верёвки, оставшийся от прежних хозяев. Мать была на смене до вечера, во дворе никого, только голуби на проводах да далёкий лай собаки. Матвей запер дверь сарая изнутри щеколдой и присел на корточки перед котом, который доверчиво тёрся о его колено, ожидая ещё хлеба.

Он не думал заранее, что будет делать. Мысль пришла сама, спокойно, без суеты, без спешки, как приходит решение, которое давно зрело, просто не называлось вслух. Он взял

верёвку, свернул её в петлю и, пока кот обнюхивал его ботинок, накинул петлю на шею, затянул не до конца, ровно настолько, чтобы животное почувствовало — бежать некуда.

Кот забился сразу, захрипел, задние лапы заскребли по доскам пола, и этот звук, этот хрип, этот ужас в единственном жёлтом глазу, оказались совсем не такими, как Матвей себе представлял, лёжа ночами под одеялом. Это было громче, ужасней, живее. Он держал верёвку на вытянутой руке, чувствуя, как дрожь передаётся по натянутой верёвке прямо в ладонь, и впервые в жизни не он был тем, кто дрожит.

Он отпустил не сразу. Матвей смотрел, как кот бьётся, слабеет, снова рвётся, и считал про себя удары собственного сердца, которые почему-то были ровными, медленными, будто кто-то другой, спокойный и взрослый, сидел сейчас у него внутри и смотрел его глазами. Он ослабил петлю в последний момент, не потому что пожалел, а потому что захотел, чтобы кот запомнил это, если у котов вообще остаётся память после такого, захотел, чтобы в следующий раз, завидев его, тот шарахался, как от огня, — и эта мысль понравилась ему больше всего остального.

Кот вырвался, когда петля ослабла, боком метнулся к щели под дверью и исчез в весенней грязи двора. Матвей остался один в сарае, с верёвкой в руке, с колотящимся теперь, наконец, по-настоящему сердцем. Он сел на перевёрнутое ведро и долго сидел так, ничего не чувствуя, ни радости, ни стыда, просто какую-то тишину внутри, которой раньше не было.

Дома он вымыл руки под краном, хотя грязи на них почти не осталось, тёр их долго, с мылом, до красноты, не потому что хотел смыть что-то, а потому что само движение, скольжение воды по коже, успокаивало его лучше любых слов. Он смотрел в зеркало над раковиной, на своё обычное, ничем не примечательное лицо, и не видел в нём ничего нового, ни тени, ни вины, только спокойствие, какого не помнил за собой никогда, даже в редкие минуты, когда мать была добра.

Ночью ему приснился не кот. Приснился Сорокин, стоящий на коленях в той самой луже со школьного двора, только лицо у него было живое, подвижное, искажённое настоящим страхом, не придуманным, не для картинки под одеялом, а таким, какой был у кота минуту назад, хриплым и беспомощным. Матвей держал в руке не верёвку, а что-то другое, он не разглядел во сне, что именно, и чувствовал ту же тишину внутри, то же тепло, разлившееся от груди до самых кончиков пальцев рук и ног.

Он проснулся до будильника, лежал в темноте, слушая, как за стеной храпит мать, вернувшаяся со смены, и думал с ясностью, какой не было у него прежде никогда: вот чего ему не хватало все эти годы, с того самого зимнего вечера под кроватью, с той самой лужи во дворе школы. Не защиты. Не доброты. А вот этого — права решать, когда отпустить верёвку. И отпускать ли её вообще.

Он не сказал об этом никому, даже самому себе вслух. Утром за кашей он сидел так же тихо, как всегда, опустив глаза, подставляя матери ту же серую, незаметную спину, которую она привыкла бить и не замечать, одновременно. Внутри него теперь жило нечто новое, спрятанное глубже синяков, которые заживали за неделю, туда, куда не доставал ни ремень, ни крик, ни взгляд учительницы, зачитывающей список лучших и худших учеников. Он учился быть невидимым снаружи ровно настолько, насколько это нужно было, чтобы никто и никогда не узнал, кем он стал внутри.

***

Недовольный крик матери в тот вечер был особенно долгим, тянулся через всю квартиру, как мокрая тряпка по полу, и Матвей ушёл из дома раньше обычного, не дожидаясь, пока она устанет кричать сама собой. На улице стояла июльская духота, асфальт дышал жаром даже к вечеру, и он шёл без цели, просто подальше от двери, за которой осталось лицо матери, перекошенное злостью, причину которой он не находил.

Перекрёсток у рынка он знал с детства, обычно там было пусто, кроме бабок с семечками у края дороги, но в тот вечер на середину вышел инспектор ГИБДД, молодой ещё, в фуражке набекрень от жары, и поднял полосатый жезл так буднично, будто не останавливал чужую жизнь, а просто отгонял муху.

Серая «девятка» проскочила мимо, не заметив или сделав вид, а следом затормозила тёмно-синяя иномарка, низкая, блестящая, с запотевшими стёклами, — таких машин в захолустном городке Матвея не водилось отродясь. Инспектор подошёл неспешно, вразвалочку, постучал костяшкой по стеклу, и оно поползло вниз с тихим электрическим звуком.

Женщина за рулём, красивая, в цветастом, летнем платье с золотыми часами на запястье, заговорила первой, быстро, суетливо, доставая из сумочки кошелёк ещё до того, как инспектор открыл рот. Матвей стоял в тени тополя через дорогу от них и видел, как у этой взрослой, уверенной женщины в дорогой машине вдруг задрожали пальцы, не сильно, едва заметно, но он это видел, он всегда видел такие вещи, подмечал их боковым зрением, как подмечал, когда мать переставала просто кричать и начинала тянуться к ремню.

— Товарищ милиционер, я же не нарушала, — донеслось через дорогу, и голос у женщины был ровно тот же, каким сам Матвей говорил с Сорокиным во дворе, заискивающий, просящий, готовый на всё, лишь бы не было хуже.

Инспектор ничего не говорил, просто стоял, облокотившись на заднюю дверь машины, листал права неспешно, с ленцой, будто у него в запасе вся жизнь, а не пять минут до конца смены. Вот что поразило Матвея больше всего: не деньги, которые в итоге перекочевали из бумажника хозяйки иномарки в нагрудный карман форменной рубашки, а именно эта неспешность. Человеку в форме некуда было торопиться. Чужая судьба лежала перед ним, в виде водительского удостоверения, и он мог сделать с ней что угодно, отпустить, задержать, напугать, и никто бы ему слова не сказал, потому что жезл в его руке был не просто палкой, он был границей между теми, кто боится, и теми, кого боятся.

Матвей простоял у тополя, наверное, минут двадцать, глядя, как инспектор останавливает ещё две машины, и в каждой повторялось одно и то же: сначала суета, потом заискивание, потом облегчение, когда их наконец отпускали, будто милость, а не просто лень проверять дальше. Ни разу инспектор не повысил голос. Ему и не нужно было.

Домой Матвей вернулся затемно, и мать уже спала, или делала вид, что спит, на продавленном диване перед выключенным телевизором, и впервые за долгое время Матвей не почувствовал того знакомого, въевшегося под кожу ощущения ненужности и никчёмности, будто его переехали и не заметили. Внутри что-то грело, тихо, ровно, как печка на малом огне, и в голове крутился один и тот же образ: фуражка, кобура на боку, тёмная, тяжёлая, с металлической застёжкой, в руке полосатая палка.

Он лёг не сразу, достал из-под матраса тетрадь в клеёнчатой обложке, ту самую, куда рисовал обычно всякую дрянь, рогатых тварей с длинными когтями, лица без глаз, ушей и носа, то, что снилось ему после особенно плохих дней. Но в этот вечер рука сама вывела другое: прямую линию плеч, фуражку с козырьком, жезл в поднятой руке, короткие уверенные штрихи там, где раньше были клыки и когти.

Он смотрел на рисунок долго, щурясь в свете ночника, и неумелый, детский ещё силуэт казался ему прекраснее всего, что он рисовал прежде. Монстры исчезли из тетради сами собой, будто уступили место чему-то более настоящему, более достижимому, тому, что можно было однажды примерить на себя, как форму, и никогда больше не снимать.

***

Зал в школе украсили гирляндами из бумажных снежинок, вырезанных на уроках труда, и от них на стенах лежали кривые серые тени, похожие на паутину. Выпускной вечер начался с директорской речи про светлое будущее, а закончился для Матвея тем, что Сорокин, уже

заметно пьяный от пронесённой кем-то в туалет водки, вытащил его на середину круга и заставил говорить тост.

— Давай, Наумов, скажи чего-нибудь умное, — Сорокин приобнял его за плечи, тяжело, по-хозяйски, как обнимают добычу. — Ты же у нас к-к-культурный.

Он нарочно растянул букву, передразнивая, и зал заржал раньше, чем Матвей успел открыть рот. Заикание возвращалось к нему само собой, стоило испугаться, оно пряталось где-то под языком годами и вылезало наружу в самый неподходящий момент, как заноза, которую не вытащили до конца. Матвей промямлил что-то про дружбу и школьные годы, запнулся на третьем слове, и хохот стал громче. Он искал глазами Таню Воронову, надеясь хотя бы на снисхождение, но та отвернулась к окну, разглядывая отражение гирлянд в тёмном стекле, будто Матвея вовсе не существовало в этой комнате. Это было хуже смеха. Смех хотя бы признавал, что ты есть.

— Маменькин сыночек, — бросил кто-то сзади, и прозвище, прилипшее к нему ещё с пятого класса, снова разлетелось по залу, подхваченное десятком голосов, весёлых, лёгких, как будто речь шла о чём-то забавном, а не о матери, которая раз в месяц приходила в школу разбираться, почему сыну занизили оценку, и устраивала скандал прямо в учительской.

Он высидел оставшийся вечер на стуле у стены, глядя, как танцуют одноклассники, и домой шёл один по морозу, не чувствуя ни лица, ни рук, думая только об одном: как хорошо, что праздник наконец кончился.

Дома было хуже. Мать не спала, дожидалась, дневник лежал раскрытым на кухонном столе, и в клеточке за четверть стояла тройка по физкультуре, обведённая её красной ручкой.

— Физра, Матвей. Физра! — она ткнула пальцем в дневник так, что страница затрещала. — Даже бегать по-человечески не можешь. Выродок.

Это слово она произносила особенно, со вкусом, будто оно само по себе доставляло ей удовольствие.

— Весь в своего папашу уродился, — продолжала она, уже не глядя на дневник, глядя прямо на него, — ублюдок! Сволочь эта в подъезде наградил меня на всю жизнь, а я с тобой мучайся теперь.

Раньше в такие моменты он опускал глаза в пол, или в стол, или куда угодно, лишь бы не встречаться с её взглядом, потому что взгляд в ответ она читала как вызов и била сильнее. В тот вечер он молчал, как обычно молчал, но глаза не опустил. Смотрел ей прямо в лицо, на красные от усталости и дешёвого вина глаза, на опухшие веки, на дряблую кожу под подбородком, и ждал.

Мать осеклась первой. Сказала что-то ещё, уже тише, про грязную посуду, про то, что он мог бы хоть иногда помогать по дому, но злость из голоса ушла, и она сама не поняла, что произошло, почему слова скомкались там, где раньше легко проходили сквозь него, как сквозь пустое место.

Матвей ушёл в свою комнату и сел на кровать. В ушах ещё стоял хохот зала, в голове ещё повторялось слово «выродок», и к горлу подкатывала знакомый комок, но впервые за долгое время он не хотел плакать, не хотел прятаться под одеяло, чтобы никто не увидел его лица.

Он полез под матрас и вытащил оттуда сложенный вчетверо лист, тот самый, с инспектором и жезлом, нарисованный три года назад неумелой детской рукой. Бумага пожелтела по краям, сгиб протёрся почти до дыры, но силуэт всё ещё узнавался: прямая спина, фуражка, рука, поднятая властно, уверенно, без тени страха.

Матвей разгладил лист на колене ладонью, медленно, будто успокаивал живое существо, и подумал, что три года назад этот рисунок был мечтой, а теперь стал планом. Отучиться. Пойти в милицейскую школу, потом в ГИБДД, туда, где человеку в форме не нужно заикаться, чтобы его слушали, где жезл в руке весит больше, чем все насмешки Сорокина вместе взятые, где взрослые, богатые, уверенные люди сами достают документы дрожащими руками. Пусть

мать называет его как угодно, пусть Воронова отворачивается к окну, пусть весь мир смеётся сейчас, он запомнит каждое лицо, каждый голос, и однажды придёт его очередь решать, кому бояться.

Он сложил рисунок обратно и убрал его под матрас, аккуратно, как убирают что-то ценное, а не постыдное. Впервые за много лет он лёг спать, не вслушиваясь в скрип половиц за дверью, не ожидая, что мать вернётся с ремнём или новым оскорблением. Страх, который жил в нём столько, сколько он себя помнил, этой ночью куда-то отступил, уступив место чему-то новому, твёрдому, похожему на лёд, который не тает даже под солнцем.

(июнь 1998 года, Пермский край)

Очередь в отдел кадров ГИБДД тянулась вдоль коридора с облупленной зелёной краской на стенах, и Матвей стоял в ней третьим, держа папку с документами у груди обеими руками, как держат что-то, что боятся уронить. Он заставлял себя не сутулиться. Спина прямая, подбородок чуть приподнят — так стоял лейтенант Григорьев тогда, на перекрёстке, несколько лет назад, и с тех пор Матвей репетировал эту осанку перед зеркалом в ванной, когда матери не было дома, пока мышцы не запомнили сами, без мысли.

Кадровичка, женщина лет пятидесяти с химической завивкой и усталыми глазами, приняла у него папку, не поднимая взгляда, и начала листать. Характеристика из школы лежала сверху: тихий, исполнительный, дисциплинированный, не замечен. Матвей сам отнёс заявку в школу милиции завучу на подпись неделю назад, и та подмахнула её почти не глядя, сказала только: «Хорошо, что хоть куда-то пристроился». В этих словах не было ни издёвки, ни удивления — просто равнодушие, с каким смотрят на пустое место на стене. Раньше это равнодушие жгло его изнутри, как серная кислота, напоминало, что он никто, тень, мишень для чужих кулаков и смеха. Сейчас, стоя в этом коридоре, он впервые понял, что те же самые слова можно носить как броню. Тихий. Исполнительный. Не замечен. Идеальный кандидат. Никто никогда не станет присматриваться к человеку, про которого и сказать-то нечего.

— Образование среднее, — пробормотала кадровичка, листая дальше, — характеристика положительная. Ну хорошо, годен по бумагам, остаётся медкомиссия и экзамен.

Она шлёпнула на папку штамп и кивнула на дверь в конце коридора, не прощаясь. Матвей кивнул в ответ, коротко, вежливо, и подумал о том, что это первый взрослый человек в форменной одежде, который хоть как-то отнёсся к его присутствию в этом мире — не как к мусору, а как к бумаге с галочками, которую нужно обработать.

Медкомиссия заняла больше времени. В кабинете психиатра, пожилого мужчины с седыми бровями и тяжёлым взглядом поверх очков, Матвей сидел на жёстком стуле и отвечал на вопросы ровным голосом, глядя врачу прямо в переносицу, как учили в детстве смотреть на собеседника, чтобы не выдать себя.

— Галлюцинации, навязчивые мысли были когда-нибудь?

— Нет.

— Агрессия неконтролируемая, приступы ярости?

— Нет, никогда.

— Жестокое обращение с животными в детстве замечали за собой?

Матвей на долю секунды задержал дыхание, ровно настолько, чтобы не сбить ритм, и ответил так же спокойно, как на все остальные вопросы:

— Нет. У нас кот был, я его любил.

Врач черкнул что-то в карте и перешёл к следующему пункту, даже не подняв глаз. Никто никогда не спросит про сарай за домом, про верёвку, про рыжую шерсть под ногтями, которую он потом долго отмывал в холодной воде. Никто не узнает про ночи под кроватью, про запах ремня, про слово «выродок», вбитое в него, как гвоздь в доску. Всё это осталось в дру-

гом городе, в другой квартире, в другой жизни — той, которая заканчивалась сегодня, в этом кабинете с пожелтевшими стенами и графиком дежурств на двери.

Направление на обучение ему выдали через полчаса, тонкий листок с печатью, который он сложил вчетверо и спрятал во внутренний карман, туда, где раньше прятал синяки под рубашкой. Выйдя на крыльцо отдела, он остановился на верхней ступеньке, щурясь от июльского солнца, и впервые за много лет ощутил внутри не привычную тяжесть, не ком в горле, не желание стать меньше, незаметнее, прозрачнее. Было тихо. Спокойно, как бывает перед грозой, когда воздух густеет, а птицы замолкают, зная то, чего ещё не знают люди.

Он спустился по ступеням на тротуар и посмотрел на город — на крыши пятиэтажек, на школьный двор за углом, где когда-то Сорокин бросил его шапку в лужу под общий хохот, на окна их с матерью квартиры, едва различимые отсюда за деревьями. Этот город годами учил его бояться: боли, крика, чужих кулаков, собственного заикания, собственного отражения в зеркале. Теперь, стоя на крыльце с направлением на обучение в кармане, Матвей подумал, что город этот ещё не знает, чему он научился в ответ.

Форма станет первым инструментом. Жезл, кобура, портупея — не конец пути, а лишь начало, первая ступень лестницы, по которой он теперь будет подниматься медленно, терпеливо, так же терпеливо, как когда-то терпел удары ремнём. Пусть мать по-прежнему зовёт его выродком и ублюдком. Пусть Воронова проходит мимо, не узнавая. Это больше не имело значения. С этого дня бояться будут его, и каждый, кто однажды посмеётся над ним снова, заплатит за весь смех, накопленный за семнадцать лет, с процентами.

Он застегнул пуговицу на вороте рубашки, поправил папку под мышкой и пошёл домой — неторопливо, с прямой спиной, впервые в жизни не оглядываясь, не ожидая удара в спину.

Глава 2
(19 августа 2001года, Пермский край)

Август выдался душным и длинным, словно в нём не тридцать дней, а триста. Он длился и длился, словно испытывал терпение жителей этого провинциального города и ожидая, когда они начнут против него протестовать.

Жара стояла третью неделю, асфальт на Советской плавился так, что каблуки вязли, а в дежурке РОВД кондиционеров отродясь не водилось — только вентилятор на подоконнике, который гонял по комнате не воздух, а запах чужого пота и перегоревшей в пепельнице – консервной банке, бумаги.

Олег сидел за столом без кителя, в одной рубашке с расстёгнутым воротом, и курил уже третью сигарету подряд, листая талоны сводок за ночь. Пот выступил под подмышками, на спине и воротнике рубашки. Дежурный принёс заявление, бросил на стол без особого почтения — такая же бумажка, как сотня других.

— Коваленко Алина Сергеевна, двадцать семь лет, — прочитал Олег вслух, скорее для себя. — Не вернулась с работы позавчера вечером. Муж заявил сегодня утром.

Карточка пропавшей без вести была «тощая»: адрес, место работы — главный бухгалтер на мясокомбинате, машина — «Тойота Камри», новая, муж купил полгода назад то ли в кредит, то ли выиграл в карты, а может сама купила, этого в заявлении не уточнялось. Олег перевернул листок, ища хоть что-то ещё, но там была пустота, какая обычно бывает в делах, где самого дела пока нет — есть только тревога одного человека, не разделённая остальным миром.

— Третья за полгода, — сказал Сергей, не поднимая головы от своего стола. Он разбирал папки, составлял стопки, и голос у него был тот самый, будничный, каким в милиции говорят о покойниках и о недостаче бензина — без разницы в интонации. — Помнишь ту, в мае, с «девяткой»? Нет, вру, у неё «Ауди» была. И ещё одна до этого, в марте, на «Вольво». Твою

мать, опять что ли? Опять эта сволочь?? Или группа сволочей. Хреновая статистика, Олег, началась!

— Прекрати, Серёга! — не отрываясь от кроссворда, бросил Кирилл. Он единственный в комнате умудрялся сохранять свежую рубашку даже в такую жару, за что Олег его по-доброму презирал. — Бабы от мужей бегают, вот и вся твоя статистика. У Коваленко этой муж, небось, кулаками машет почём зря, она собрала чемодан и к маме в соседний город подалась. Через неделю вернётся как ни в чём не бывало!

— Может, и так, и дай Бог, чтобы именно так, слово в слово! — согласился Сергей, но согласие прозвучало неуверенно, будто он сам себе возражал. — Только странно, что все три женщины — на хорошими тачками. Небедные девки или их мужья. Бедные мужья не гоняются с заявлениями в тот же день. Бедным, бывает, по неделе плевать, куда жена делась.

Олег возразил:

- Материальное благо здесь может и не при чём. Главное, какая атмосфера в семье. Есть ли любовь, понимание, уважение. Если есть, то не важно в бедности или богатстве, как говорится. Будут искать сразу и очень настойчиво!

Олег затушил сигарету в жестяной банке из-под частика в томате, которая служила в отделе пепельницей ещё с прошлого начальника, и посмотрел на карточку снова. Старший лейтенант уголовного розыска Олег Чёрный видел за год работы в уголовном розыске десятки таких заявлений: сбежавшие жёны, загулявшие любовницы, девчонки-эскортницы, которые однажды просто решили, что устали быть чьей-то собственностью. Девяносто процентов из ста находились сами, без всякой милиции, через неделю-другую объявлялись на пороге родни или возвращались домой с повинной. Статистика была на стороне спокойствия нервов.

И всё же что-то царапало.

— Где видели машину в последний раз? — спросил он у дежурного.

— У торгового центра, на выезде из города, — ответил дежурный, который так и стоял у двери, не уходя, будто ждал реакции. — Соседка видела, как Коваленко туда заезжала вечером, часов в семь.

— А потом?

— А хрен его знает. Домой не приехала, на работу вчера не вышла, телефон не отвечает.

Олег встал, подошёл к окну. Внизу, на раскалённом асфальте двора, стояла служебная «Волга», вытертая, с облупившейся серой краской на крыле, та самая, на которой они в прошлом месяце возили пьяного дебошира в вытрезвитель и до сих пор не могли вывести запах блевотины с заднего сиденья. Машина была старая, медленная, но в такую жару она казалась благословением — хотя бы потому, что в ней были открывающиеся окна, в отличие от новых «Жигулей», где форточку намертво заклинило ещё при царе Горохе.

— Съездим, глянем, — сказал он, не оборачиваясь. — Может, и правда к маме уехала. А может, и нет.

— Да чего там смотреть, Олег, — вздохнул Кирилл, откладывая газету с кроссвордом. — Торговый центр как торговый центр, камер там не работают, только дед-охранник на входе, который и свою фамилию через раз помнит. Да и, честно говоря, у меня плохое предчувствие. Опять «глухарь» маячит.

— А ты посиди тут, со своими предчувствиями, подумай о новом «глухаре2 и о премии, которой точно не будет, кроссворд свой дорешай, — беззлобно ответил Олег. — Мы с Серёгой сами прокатимся.

— Да ладно тебе, — Кирилл тут же поднялся, поправляя рубашку, будто его и вправду задело, что без него. — Я ж не говорю, что не поеду. Я говорю, что толку с этого будет с гулькин нос и финал понятен.

Втроём они спустились во двор, и Сергей, усаживаясь за руль, первым делом включил вентилятор на панели, который загонял внутрь салона тот же горячий воздух, что и снаружи, только с запахом бензина вдобавок.

— Если и правда к маме уехала, — сказал Кирилл, устраиваясь сзади и вытягивая ноги, — то нам за эту поездку премию выпишут. «За оперативное раскрытие».

— Сжатым воздухом тебе премию выпишут, — хмыкнул Сергей, выворачивая машину со двора. — Когда её вообще, последний раз давали??

— Да уж, я и забыл, — Кирилл закурил, пустив дым в приоткрытое окно. — Просто мечтать не запрещено и не вредно. Вот я мечтаю, чтобы меня перевели в паспортный стол. Сидишь, штампы ставишь, никто тебя под пули не гонит. Из маньяков и уродов, только, бабки из соседних дворов и дедушки с тапиками.

— Так иди! Кто тебя держит? — буркнул Олег, глядя в боковое окно, как мимо тянутся дворы, бельевые верёвки, детвора у колонки с водой.

— Жена, кто ещё! — ответил Кирилл. — Говорит, опером хоть какой-то авторитет, а в паспортном какой авторитет?

Олег не слушал дальше, пропускал мимо ушей привычную перепалку, которая сопровождала их на каждом выезде уже второй год — не потому что было неинтересно, а потому что знал заранее каждую реплику наизусть. Он смотрел на дорогу, думал о карточке в кармане, о главбухе с мясокомбината, которая, может, сейчас уже пьёт чай у матери в соседнем городе и смеётся над переполохом, устроенным её мужем.

«Волга» выехала на трассу, и жара ударила в лобовое стекло так, что асфальт впереди дрожал и плыл, как в бреду.

***

Торговый центр «Орбита» встретил их тем же запахом, что и все такие заведения в этом городе: горячим асфальтом, плавленым сахаром из палатки с мороженым и чем-то неуловимо тухлым из мусорных баков за углом. Охранник на входе, дед лет шестидесяти пяти с одышкой и повязкой «Охрана» на рукаве, которая была ему велика раза в полтора, сразу признал фотографию.

— Была, как же, — сказал он, разглядывая снимок Коваленко так, будто от этого зависела его премия. — «Камри» эта, чёрная, новая совсем, я ещё удивился, думаю, кто ж такую на наш «пятачок» парковки загоняет, тут же поцарапают быстрее, чем успеешь припарковаться.

— Во сколько уехала? — спросил Олег, доставая блокнот.

— Да около восьми, может, чуть позже. Я как раз смену заканчивал, думал уже домой. Одна была, без мужика, без подружек всяких. Села и поехала, спокойно так, не торопилась вроде.

— Может, ещё кто-то был на парковке?

Охранник почесал затылок под форменной фуражкой.

— Так у нас камера на въезде. Всё должно было записаться.

— Не ври нам, дед! — сказал Сергей с интонацией человека, который знает всё на этом свете.

Дед вздохнул.

— Не работает она, — и развёл руками, будто извиняясь. — Второй месяц уже. Я рапорт писал, начальству передавали, обещали мастера прислать. Сюда никто не едет чинить, у нас же не Москва.

Олег молча кивнул, записывая это в блокнот не потому, что это было важно, а по привычке фиксировать каждую деталь, про которую потом будут спрашивать объяснений. Камера не работает — дело привычное, в этом городе половина техники работала через раз, а вторая половина не работала вообще. Писали рапорта, рапорта пылились в папках, а жизнь шла своим чередом. Похуизм, одним словом.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо.

Все трое пошли вдоль обочины, туда, где начиналась трасса, выходящая из города в сторону садовых товариществ. Жара к этому часу спала чуть-чуть, но асфальт ещё дышал теплом, и воздух дрожал над дорогой, как над сковородкой. У ларька с минералкой и сигаретами, в тени брезентового навеса, сидела продавщица, обмахиваясь газетой «Труд» вместо веера.

— «Камри» чёрную, красивую, позавчера вечером видели? — спросил Сергей, облокотившись на прилавок.

Женщина, полная, в выцветшем ситцевом халате, прищурилась, вспоминая.

— Видела, как же не видеть. Тут много машин ездит, но эта новая была, блестела аж. Чёрная, как у Президента. Её ещё инспектор тормознул, вон там, у поворота.

Олег поднял взгляд от блокнота.

— Какой инспектор?

— Обычный, гаишный, — пожала плечами продавщица. — Молодой такой, невысокий, вроде, в фуражке, которая на ушах висела!

Женщина хихикнула и продолжила:

— Поправлял её постоянно. Стоял вон там с полосатой палкой, останавливал машины. Ну и её остановил, постояла она пару минут, он документы вроде смотрел.

— Приметы какие-нибудь запомнили? Рост, лицо?

— Да какие там приметы, — она усмехнулась, будто вопрос показался ей смешным. — Я ж не в упор на него смотрела, товар продавала. Сейчас «минералка» холодная нарасхват, сами знаете по такой жаре! Молодой, говорю, щуплый вроде, фуражка не по размеру. У нас тут три поста на трассе этих, всех разве упомнишь. Тормозят через одну машину, план у них, что ли, какой.

Олег записал это коротко, двумя строчками: «остановлен инспектором ГИБДД, пост на выезде, свидетель приметы не помнит, фуражка не по размеру». Деталь была проходная, из тех, что в сводке занимают одну строку и забываются сразу после — на этой трассе гаишники останавливали машины десятками в день, план по протоколам никто не отменял, премии за «палки» давали исправно. Если бы каждую такую остановку записывать как зацепку, в деле было бы по сто страниц на одну пропавшую женщину.

— Больше ничего не заметили? Может, ещё кто рядом стоял, вторая машина какая? Может за неё кто-то поехал сразу?

— Не, не видела. Я ж говорю — у меня своя работа.

Сергей, пока Олег дописывал что-то в блокнот, усмехнулся, глядя на раскалённую трассу и спросил:

— А потом что было? Ну, проверил документы и что? Отпустил? Может в свою машину пересадил?

Женщина покачала головой.

— Не видела я. Уж, простите! Отвлеклась на покупателя.

Больше свидетелей не нашлось. Они прошли ещё метров триста вдоль обочины, туда, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовая дорога, уходящая в сторону садовых участков, где в выходные копошились пенсионеры с лопатами.

— Ну что, — сказал Сергей, глядя на пыльную дорогу, убегающую к горизонту, — похоже, к маме она точно не поехала. Мама-то в другую сторону живёт. А куда?

Олег не ответил. Он стоял у поворота, где заканчивался асфальт, и смотрел на пустую дорогу так, будто она могла что-то рассказать, если смотреть достаточно долго. Солнце садилось за дачными крышами, красное и тяжёлое, как отёк.

***

Коваленко нашли через два дня, в лесополосе за садовыми участками, метрах в двухстах от того поворота, где асфальт переходил в грунтовку. Нашёл её пенсионер, выгуливавший

собаку, — псина увела хозяина с тропинки в кусты, и дальше он уже сам не помнил, что говорил по телефону в дежурную часть, только что голос у него срывался и в трубку он матерился вперемешку с молитвами, хотя до этого, как потом выяснилось, в церковь ходил раз в год, на Пасху, освятить кулич.

Олег приехал одним из первых. Эксперты сворачивал рулетку, фотограф щёлкал вспышкой, выхватывая из тени то, что лучше бы оставалось в тени. Всё вокруг было залито чем-то бурым, похожим на кровь, будто человек взорвался в разные стороны. Алина Коваленко лежала на спине. Рядом лежала голова с разрезанным до ушей, ртом. Тело было обнажено и истерзано ужасным образом.

Олег зажмурил глаза. Он не мог привыкнуть к этому, хотя видел уже подобное в трёх прошлых случаях.

Он подошёл к эксперту-криминалисту и спросил:

- Рассказывай, что тут произошло? — словно он был Господом и всё знает.

Тот покачал головой т ответил:

— Этот рассказ не каждый выдержит, Олег!

Он потёр лицо двумя руками, словно приводя себя в чувство и сказал:

— Смерть наступила в результате обезглавливания. Предположительно, судя по краям раны на шее, голову отрезали перочинным ножом, знаешь, такой маленький, красный швейцарский. Когда он отрезал ей голову она была ещё жива. Нога левая сломана тупым, гладким предметом, скорее всего бита. Ей же она была изнасилована в традиционной и в извращённой форме. Язык отрезан, внешние половы органы были откусаны. Можно попробовать сделать слепок зубов. Рот разрезан от края до ушей.

— Подожди! Ты сказал голову отрезали перочинным ножом? Но это невозможно. Как он перепилил шейные позвонки? Перочинным ножом это невозможно!

— Один удар, всё той же битой по шейным позвонкам! Перелом оскольчатый. Такой может быть при сильном ударе тупым предметом, когда мелкие куски костной ткани разлетаются в разные стороны. Я тут нашёл несколько.

— Изнасилована битой?

— Да! Судя по кровавым сгусткам на земле, которые я обнаружил и следах на теле! Уверен, что вместо внутренних органов… там месиво!

Олег глубоко втянул воздух носом, словно его тошнило.

— А что с глазами? Почему так выпучены?

— Это нормальная реакция организма на ужасную, непереносимую боль, когда голову отрезают ещё живому человеку.

Олег обхватил голову руками и отошел, не веря до конца в то, что услышал. Кирилл проводил его взглядом и покачал головой. Потом подошёл и тихо сказал:

— Машину нашли. «Камри» её, в трёхстах метрах, на съезде к бывшей ферме. Стоит ровно, в кустах даже не поцарапана. Ни аварии, ничего. Как будто сама туда заехала и заглохла.

Олег вернулся и присел на корточки у тела, не касаясь, только разглядывая. Он уже видел покойников — за семь лет в розыске насмотрелся достаточно, чтобы не чувствовать тошноты от вида, только усталость, тяжёлую, как мокрая шинель. Но здесь было что-то другое. Он не сразу понял, что именно, а потом его осенило: отсутствие случайности и шаблона, к которым уже привык. Хуже всего было то, что при таком ужасном убийстве не было никаких следов.

Олег спросил медэксперта:

— Что с отпечатками? Со следами? Хоть что-то есть?? И где её одежда??

Тот покачал головой и сказал:

— Ничего, Олег! Я не знаю, как так возможно! Может он был в скафандре и противогазе, но иначе я это объяснить не могу. Ни отпечатков пальцев, ни слюней, ни следов ног, ни капли

пота, ни спермы, ты понимаешь? Если бы я верил в паранормальные существа, то сказал бы, что он не из этого мира! Одежду тоже не нашли. Возможно, унёс с собой.

— А что ты там говорил про укусы?

Эксперт подошёл к трупу и показал на грудь, потом на влагалище.

— Вот, посмотри! Вот эти следы — это не нож, не щипцы! Это зубы! Он откусывал по куску грудь, укусив по несколько раз одну, потом другую. А потом и… внешние половые губы!

— И куда делось то, что он откусил?

Эксперт пожал плечами и осторожно предположил:

— Может… съел? Мы ничего из кусков тела не находили.

Олег тряхнул головой.

— Да ну, на хер!! И ты хочешь сказать, что всё это время она была жива?? Как это возможно??

— Не знаю! Может, под наркотиками, под алкоголем, может без сознания от болевого шока, но жива! Я сейчас возьму анализы и скажу точно.

Сергей, слыша всё, что сказал медэксперт.

— Вот тварь!

— Это точно, не человек! — согласился Кирилл и присел рядом, разглядывая примятую траву, залитую кровью там. — Знаешь, что ещё странно? Я маршрут патрулей на этом участке знаю — сам год назад тут посты расставлял, когда ещё в «патрульке» служил. В этот час, в это время дня, когда произошло убийство, если верить экспертам, именно здесь, поста не было. Маршрут меняют раз в неделю, расписание не для посторонних, оно в журнале дежурного лежит, и то не в открытом доступе.

Он замолчал, как будто сам испугался того, что сказал. Олег поднял голову.

— Продолжай.

— Да я к тому, что место выбрано не случайно. — Кирилл пожал плечами, но взгляд у него был уже не тот, рабочий, прежний — а напряжённый, как у человека, который сам у себя что-то спросил и не хочет отвечать. — Либо повезло, либо знал.

Сергей стоял чуть поодаль, курил, глядя на суету экспертов. Он слышал разговор и, когда Кирилл замолчал, затянулся глубже, выпустил дым вбок, не в сторону тела.

— А если это кто-то из наших? — спросил он негромко, будто в раздумье, — из тех, кто с постами знаком…

Он не договорил. Кирилл махнул рукой, будто отгонял муху, и отвернулся к машине.

— Да ну, бред. Мало ли кто расписание подсмотреть мог. У нас эти журналы на каждом посту валяются, их пол города видело.

Олег ничего не сказал, только достал блокнот, тот самый, потёртый, с треснувшим корешком, и записал три строчки убористым почерком, который сам иногда с трудом разбирал: «знает график постов, знает слепые зоны, работает чисто, без следов, изувер». Больше писать было нечего — ни отпечатков, ни волокон, ни свидетелей. Преступление выглядело так, будто его совершил человек, который точно знал, куда не придёт милиция в ближайший час, и этого было достаточно, чтобы задать вопрос, но пока недостаточно, чтобы на него ответить.

Эксперты закончили, тело увезли в чёрном пакете на носилках, бригада снялась и уехала следом за двумя машинами, подняв пыль с грунтовки. Кирилл и Сергей тоже пошли к «Волге», договариваясь о чём-то рабочем — кому ехать к мужу, кому к матери Коваленко. Олег остался один у края лесополосы, там, где трава была примята и уже начала выпрямляться, стирая отпечаток тела.

Он смотрел на эту бурую, вытоптанную проплешину и чувствовал то, чему не мог подобрать названия — не страх, не жалость, а что-то вроде холода в затылке, какой бывает, когда понимаешь, что где-то за спиной стоит человек, а ты его не видишь. Он тогда ещё не знал, что этот холод станет привычным спутником на годы вперёд, что он будет просыпаться с ним по

ночам и засыпать с ним же, что это чувство переживёт его карьеру, его брак и его веру в то, что справедливость — не просто слово из устава. Он просто стоял и смотрел на траву, слушая, как где-то за дачными участками лает собака, и думал, что всё это ему очень не нравится.

***

Кабинет начальника отдела пах табаком и хлоркой, которой дежурная уборщица драила линолеум перед планёрками, будто это могло что-то изменить в работе розыска. Олег разложил на столе три картонные папки, выцветшие от времени и размноженные бесконечными копиями протоколов, и подвинул их ближе к начальнику, как подвигают карты в игре, где уже проиграл, но доиграть обязан.

— Коваленко, Самохина, Дегтярёва, — сказал он, тыча пальцем в каждую фамилию по очереди. — Три дела за полгода. Все за рулём иномарок, все возвращались с работы вечером, все в районе окраин. Почерк один и тот же: ни следов борьбы на дороге, ни свидетелей, тело находят через день-два в лесополосе или у садовых участков. Все тела изуродованы до неузнаваемости, Коваленко ещё и изнасилована, рот у жертв разрезан от уха до уха. Голова отрезана. В последнем случае – перочинным ножом! Это не совпадение, товарищ подполковник. Это система. Нужно объединять дела.

Начальник РОВД, грузный мужик с одышкой и привычкой барабанить пальцами по столу, когда ему не нравилось то, что он слышит, слушал молча, пока Олег не дошёл до главного.

— И ещё одно, — продолжил Олег, понижая голос, будто от этого версия звучала бы менее дико. — Преступник знает графики постов ГАИ и ППС. Знает слепые зоны патрулирования. В двух случаях из трёх место преступления совпадает с часом, когда там точно нет наряда. Это не прохожий с улицы такое угадывает. Это или наша информация «утекает» через стукача, или человек сам из органов.

Барабанная дробь пальцев прекратилась. Начальник откинулся на спинку кресла, и кресло протяжно скрипнуло, будто тоже было недовольно.

— Ты понимаешь, что говоришь, Чёрный? — произнёс он медленно, с нажимом на каждое слово, как учитель, объясняющий тупому ученику очевидное. — Ты сейчас бочку катишь на своих же коллег. На ГАИ, на милицию, на весь личный состав отдела. Думаешь, у тебя есть на это основания? Одна догадка про графики постов? Ты исполняешь обязанности начальника отдела уголовного розыска и не должен строить розыск на догадках!

— Это не догадка, это факт...

— Факты у тебя в блокноте, а не в деле! — отрезал начальник, и ладонь его хлопнула по столу так, что папки подпрыгнули. — У нас три трупа и ноль улик. Вот это факт! Ты предлагаешь мне объявить, что убийца — мент? Да меня с таким рапортом начальство из области по стенке размажет, а тебя первого спросят, откуда у тебя такая фантазия? Ты это серьёзно хочешь написать в сводку?

— Товарищ подполковник, вспомните дело «Лесополоса»? Там Чикатило насиловал и убивал детей. Тоже тянули, не объединяли дела, пока московская группа не приехала и матку не вывернула!

Леонид Петрович махнул рукой на Олега.

— Помню.

Начальник РОВД перекрестился, то ли от того, что вспомнил это дело, то ли от того, что не хотел, чтобы это случилось в его районе.

Олег молчал, глядя на собственные папки, разложенные веером, бесполезные теперь, как карты крапленой колоды. Петрович наконец сказал:

— Ладно, три дела объединить в один розыск по неустановленному лицу. Без версии про своих. Работайте по стандарту: опрос, экспертиза, ориентировки. И без этой, как её, без самодеятельности, Олег, мне проверка из области на хрен тут не нужна.

***

В коридоре пахло хуже, чем в кабинете — старой краской и перегоревшей лампой дневного света, которая мигала над головой, как нервный тик. Сергей дожидался у окна, курил в форточку, хотя курить в здании запрещалось, но на это все давно закрывали глаза.

— Слышал, как он тебя отбрил, — сказал Сергей, не поворачиваясь. — Горячо взялся. Правильно, в общем-то, но знаешь, что...

— Знаю, — перебил Олег. — Не лезть выше, пока нет прямых доказательств.

— Вот именно. — Сергей выпустил дым в форточку, проводил его взглядом. — Версия твоя — она как спичка в стогу сена. Чиркнешь — и спалишь не того, кого надо, а себя самого в первую очередь. У нас полгорода в форме ходит, попробуй докажи, кто из них с кровью на руках, а кто просто расписание дежурств на посту вслух читал кому попало.

Из-за угла показался Кирилл с кружкой кипятка в руке, видно, успел уже остыть на планёрке и теперь грелся. Услышав последние слова, он хмыкнул, прислоняясь к стене.

— Это точно! Что решил, Олег?

Олег посмотрел сначала на Сергея, потом на Кирилла и ответил:

— Поеду в «психушку»!

Сергей прыснул от смеха и спросил:

— Что, брат, совсем себя плохо чувствуешь?

Кирилл с Сергеем засмеялись. Олег усмехнулся и пошёл в кабинет.

Формально дело за ним оставили, объединив три эпизода в один розыск по неустановленному лицу, без акцента на то, что это лицо может носить такую же форму, как они сами. Ни дополнительных людей, ни запроса в ГАИ на сверку графиков постов, ни санкции проверить личный состав – ничего! Просто, ещё одна папка на столе Олега, ещё одна строчка в сводке происшествий, растворённая среди десятков других нераскрытых дел по области.

Он забрал свои три картонные папки с подоконника, сложил их друг на друга и подумал, что отныне придётся тащить это в одиночку, без приказов и без ресурсов, на одном упрямстве, которое уже тогда начинало превращаться из профессиональной черты в, нечто, вроде диагноза.

(10 сентября 2001 года, Пермский край)

Осень пришла раньше срока. Уже в начале сентября по утрам на лобовое стекло ложился иней, и Кирилл скрёб его дребезжащей пластиковой карточкой — скребок он где-то потерял, а новый покупать – денег жалко.

Марина Светлова пропала в прошлый четверг. Хозяйка салона красоты на Труда, тридцать два года, белая «Мазда 6» с номерами, которые она сама выбирала за деньги — три шестёрки подряд, наверное, думала, что это красиво. Заявление подала сестра: Марина не приехала ни домой, ни на следующий день в салон, телефон молчал. Почерк совпадал до тошноты — вечер, пустой участок дороги, никаких следов сопротивления у машины, будто женщина вышла и растворилась в воздухе.

Олег прочитал заявление дважды, положил поверх трёх старых папок и сказал Сергею только одно слово:

— Поехали.

Начальству докладывать не стали — смысла не было, да и время поджимало. Взяли служебную «Волгу», хотя формально она была закреплена за другой бригадой, и выехали на ту же трассу, где пару недель назад нашли Камри Коваленко. План был простой и тупой, как учебник для первого курса: прочесать обочины, пройти по постам, спросить у каждого инспектора, не видел ли кого.

— Толку с этого, — бурчал Кирилл, держа руль одной рукой, другой пытаясь нашарить в бардачке сигареты. — Бензин жжём казённый, а дело всё равно спустят на тормозах сверху. Как с теми тремя. Объединят, спишут на неустановленное лицо, и привет.

— Если это наш Людоед, то уже не спишут и не спустят на тормозах, — сказал Сергей без особой убеждённости, глядя в окно на мелькающие сосны. — нужно будет докладывать на верх, в область, хочешь или не хочешь. Пришлют группу товарищей из ОВД области, в подмогу. А может сразу из Москвы коллеги подтянуться, если туда «протечёт». И начнутся у нас весёлые времена!

Сергей покачал головой.

— Не думаю, что из Москвы сюда кто-то приедет. В столице разгул бандитизма. Люди гибнут на улицах, средь бела дня десятками, а менты ничего сделать не могут. А ещё мы тут, со своим Людоедом. Скажут — разбирайтесь сами, примите опыт прошлых дел. Того же Чикатило.

Кирилл кивнул головой и добавил:

— Я тут слышал, что в Ангарске, уже 10 лет орудует маньяк. Такой же, сука, урод, как и наш. Баб насилует и убивает. И найти до сих пор не могут. И группа, вроде, та же самая, что и по делу «Лесополоса» работала, а толку никакого. Вот тебе, и москвичи хвалёные. И опыт есть, и люди профессионалы, а поймать не могут.

Олег молчал. Дорога шла через лес, потом к полям, где в сумерках уже зажигались редкие огни садовых домиков. На пятом километре от города показался знакомый пост — будка, полосатый шлагбаум, пятно света от переносного фонаря. Инспектор, щуплый, в форме явно на размер больше, стоял у края проезжей части с жезлом в руке, разбирался с водителем серой Ауди». Водитель — мужик в костюме, видно, с работы — суетливо копался в бардачке, вытаскивал документы, что-то говорил, разводя руками.

Картина была такой обыденной, что Олег скользнул по ней взглядом не дольше секунды — так смотрят на фонарный столб или на мусорный бак у обочины, не задерживая внимания, потому что смотреть там не на что. Гаишник как гаишник, таких постов в области три десятка, а этих инспекторов в форме с такими же жезлами он видел за годы службы сотни, если не тысячи. Ничего в этой картинке не царапнуло, не остановило мысль, не заставило притормозить и спросить у Кирилла, кто это такой.

— Опять заезжих в «Орбиту» тормозит, — зачем-то сказал Кирилл, кивнув в зеркало заднего вида. — Видел? Третий раз за месяц мимо проезжаю, он всё на этом месте стоит, как вкопанный.

— Может, план по протоколам не выполняет? — хмыкнул Сергей.

Они проехали дальше, свернули на грунтовку в сторону садовых участков, потом ещё раз, объезжая овраги по памяти — Олег помнил эти места ещё с тех времён, когда искал здесь угнанные мотоциклы. Стемнело быстро, как бывает в начале осени, когда день ещё обманывает теплом, а вечер уже холодный и ранний. Фонарь Кирилла светил неровно, батарейки садились, и луч дрожал на кустах, выхватывая то ветку, то кусок ржавого забора.

Машину они нашли случайно — Сергей зацепился взглядом за белое пятно в овраге за крайними участками, там, где обычно сваливали строительный мусор. «Мазда» стояла аккуратно, на четырёх колёсах, без единой вмятины, будто её туда не столкнули, а заботливо припарковали. Дверь со стороны водителя была приоткрыта.

— Твою мать, — выдохнул Кирилл. — Опять! Хоть бы без трупа!

Олег спустился в овраг первым, посветил фонарём в салон. Пусто. Сумка на пассажирском сиденье, косметичка, телефон на полу — заряд почти сел, но экран ещё тускло мерцал. Ключи торчали в замке зажигания, будто хозяйка собиралась вот-вот вернуться и уехать домой. Трупа не было.

***

Тело Марины Светловой нашли через два дня — в той же лесополосе у садовых участков, где недавно лежала Алина Коваленко.

Олег, Сергей и Кирилл подъехали через час.

— Серёга, бери машину и давай к родственникам. Кто там у неё? Сестра? Адрес возьми в дежурке. Выясняй всё, что касается её знакомств, связей, куда поехала, к кому, во сколько, кто ещё мог видеть. Короче, всё что касается последнего дня её жизни. Кирилл сходи в ближайшие дома дачного посёлка. Поспрашивай, может кто что-то видел или слышал, может машину её видели или ещё что-то, может ментов или машину милицейскую? Потом возвращайся сюда.

Кирилл внимательно посмотрел на него и сказал:

— Я смотрю, ты не отпускаешь от себя мысль, что это мент! Хорошо, Олег, сделаю!

Олег вышел и подошел к месту происшествия. Там уже работала бригада из отдела. Чёрный подошел к медэксперту и сказал:

— Ну что тут, Гена? Людоед?

Тот повернул голову и с удивлением спросил:

— Кто??

— Мы так его прозвали у себя, в отделе! Кто обнаружил?

Гена кивнул.

— Точнее и не скажешь! Мужик из дачного посёлка. Вон он стоит. Хочешь, поговорить?

— Потом, Кирилл поговорит. Что скажешь по трупу?

Гена покачал головой и тихо ответил:

— Ты посмотри, что он снова натворил. Тело, буквально, разорвано. Нога сломана, рот разрезан, голову ещё не нашли, изнасилована, на этот раз не только грудь откусил — рвал тело зубами везде! Что это за зверь, Олег?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.